

Л. Н. Толстой

**Сказка об Иване Дураке его
двух братьях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Сказка об Иване Дураке его двух братьях / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 48 с.

ISBN 978-5-517-99378-6

Семене-войне и Тарасе-брюхане и немой сестре Малане, и о старом дьяво-
ле и трех чертенятах

ISBN 978-5-517-99378-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что въ домѣ есть, то Иванъ наложилъ. Тоже и его съ дѣвкой обидѣть нельзя.

А Тарасъ говоритъ: На что ему, онъ дуракъ, жениться ему нельзя, никто не пойдетъ, а дѣвкѣ нѣмой тоже ничего не нужно. Давай, говоритъ, Иванъ, мнѣ хлѣба половинную часть, я снасти брать не буду, а изъ скотины только жеребца сиваго возьму — тебѣ онъ пахать не годится.

Засмѣялся Иванъ. — Ну, что жъ, говоритъ, я пойду обратаяю.

Отдали и Тарасу часть. Увезъ Тарасъ хлѣбъ въ городъ, увелъ жеребца сиваго, и остался Иванъ съ одной кобылой старой по прежнему крестьянствовать — отца съ матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились въ дѣлѣжкѣ братья, а разошлись по любви. И кликнулъ онъ трехъ чертенятъ.

— Вотъ, видите, говоритъ, три брата живутъ: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ-дуракъ. Надо бы имъ всѣмъ перессориться, а они мирно живутъ: другъ съ дружкой хлѣбъ-соль водятъ. Дуракъ мнѣ всѣ дѣла испортилъ.

Подите вы втроемъ, — возьмитесь за троихъ и смутите ихъ такъ, чтобы они другъ дружку гла- за повыдрали. Можете ли это сдѣлать?

— Можемъ, говорятъ.

— Какъ же вы дѣлать будете?

— А такъ, говорятъ, сдѣлаемъ: разоримъ ихъ сперва, чтобъ имъ жрать нечего было, а потомъ собьемъ въ одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно, говорить; — я вижу: вы дѣло знаете. Ступайте, и ко мнѣ не ворочайтесь, пока всѣхъ троихъ не смутите, а то со всѣхъ троихъ шкуру спущу.

Пошли чертенята всѣ въ болото, стали судить, какъ за дѣло браться: спорили, спорили, — каждому хочется полегче работу выгодать, и порѣшили на томъ, что жеребій кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше другихъ отдѣляется, чтобъ приходилъ другимъ подсоблять. Кинули жеребій чертенята и назначили срокъ, опять когда въ болотѣ собратъся. — узнать, кто отдѣлался, и кому подсоблять итти.

Пришелъ срокъ, и собрались по уговору чертенята въ болотѣ. Стали толковать, какъ у ко- го дѣла. Сталъ рассказывать первый чертёнокъ — отъ Семена-вопна.

— Мое дѣло, говоритъ, ладится. Завтра, говоритъ, мой Семенъ къ отцу придетъ. Стали его товарищи спрашивать, какъ ты, говорятъ, сдѣлалъ?

— А я, говоритъ, первымъ дѣломъ, храбрость такую на Семена навелъ, что онъ обѣщалъ своему царю весь свѣтъ завоевать, и сдѣлалъ царь Семена начальникомъ, послалъ его воевать индѣйскаго царя. Сошлись воевать. А я въ ту же ночь въ Семеновомъ войскѣ весь порохъ подмочилъ и пошелъ къ индѣйскому царю, изъ соломы солдатъ надѣлалъ видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на нихъ со всѣхъ сторонъ соломенные солдаты заходятъ — заробѣли. Велѣлъ Семенъ палить: пушки, ружья не выходятъ. Испугались Семеновы солдаты и побѣжали какъ бараны. И побилъ ихъ индѣйскій царь. Осрамился Семенъ, — отняли у него вотчину и завтра казнить хотятъ. Только мнѣ на день и дѣла осталось, изъ темницы его выпустить, чтобы онъ домой убѣжалъ. Завтра отдѣлаюсь, такъ сказывайте, кому изъ двухъ помогать приходить?

Сталъ и другой чертенокъ, отъ Тараса, рассказывать про свои дѣла:

— Мнѣ, говоритъ, помогать не нужно, мое

дѣло тоже на ладъ пошло, больше недѣли не проживеть Тарасъ. Я, говоритъ, первымъ дѣломъ, отrostилъ ему брюхо и навелъ на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сдѣлалась, что, что ни увидитъ, все ему купить хочется. Накупилъ онъ видимо невидимо на всѣ свои деньги, и все еще покупаетъ. Теперь ужъ сталъ на заемныя покупать. Ужъ много на шею набралъ, и запутался такъ, что не распутается. Черезъ недѣлю сроки подойдутъ отдавать, а я изъ всего товара его навозъ сдѣлаю — не расплатится и пріѣдетъ къ отцу.

Стали спрашивать и третьяго чертенка, отъ Ивана. А твоѣ дѣло какъ?

— Да, что, говоритъ, мое дѣло не ладится. Наплевалъ я ему, первымъ дѣломъ въ кувшинъ съ квасомъ, чтобы у него животъ болѣлъ, и пошелъ на его пашню, сбилъ землю какъ камень, чтобы онъ не осилилъ. Думалъ я, что онъ не вспашетъ, а онъ дуракъ, пріѣхалъ съ сохой началъ драть. Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ. Изломалъ я ему одну соху, — поѣхалъ онъ домой, переладилъ другую, подвон новые подвязалъ и опять принялся пахать. Залѣзъ я подъ землю, сталъ за сошники держать, не удержишь никакъ, — налегаетъ на соху, а

сошники вострые; изрѣзалъ миѣ руки всѣ. Почти все допахалъ, одна только полоска осталась. Приходите, говоритъ, братцы, помогать, а то, какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ. Если дуракъ останется, да крестьянствовать будетъ, они нужды не увидятъ: онъ обоимъ братьевъ кормить будетъ.

Пообѣщалъ чертенокъ отъ Семена война на завтра приходитъ помогать, и разошлись на томъ чертенята.

III.

Вспахалъ Иванъ весь паръ, только одна полоска осталась. Приѣхалъ допахивать. Болитъ у него животъ, а пахать надо. Выхлеснулъ гужи, перевернулъ соху и поѣхалъ пахать. Только завернулся разъ, поѣхалъ назадъ — ровно за корень зацѣпило — волочетъ. А это чертенокъ ногами вокругъ рассохи заплелъ, — держитъ. — Что за чудо! думаетъ Иванъ, корней тутъ не было, а корень. Запустилъ Иванъ руку въ борозду, ощущалъ — мягкое. Ухватилъ что-то, вытащилъ. Черное какъ корень, а на корнѣ что-тоше велится. — Глядь: — чертенокъ живой. Ишь, ты, говоритъ, пакость ка-

кая! Замахнулся Иванъ, хотѣлъ о приголовокъ пришибить его, да запищаль чертенокъ. — Не бей меня, говоритъ, а я тебѣ, что хочешь сдѣлаю.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь?

— Скажи только, чего ты хочешь.

Почесался Иванъ. — Брюхо, говоритъ, болитъ у меня, поправить можешь?

— Могу, говоритъ.

— Ну, лѣчи.

Нагнулся чертенокъ въ борозду, — пошарилъ, пошарилъ когтями, выхватилъ корешокъ — тройчатку, подаль Ивану.

— Вотъ, говоритъ, кто ни проглотитъ одинъ корешокъ — всякая боль пройдетъ.

Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ животъ прошелъ.

Запросился опять чертенокъ: — Пусти, говоритъ, теперь меня, я въ землю проскочу, — больше ходить не буду.

— Ну, что жъ, говоритъ, Богъ съ тобой! И какъ только сказалъ Иванъ про Бога — юркнулъ чертенокъ подъ землю какъ камень въ воду, только дыра осталась. Засунулъ Иванъ два остальныхъ корешка въ шапку и сталъ допахивать. Запахалъ до конца полоску, перевернулъ

соху и поѣхалъ домой. Отирягъ, пришелъ въ избу. А старшій братъ, Семенъ-воинъ, сидитъ съ женой — ужинаютъ. Отняли у него вотчину, — насилу изъ тюрьмы ушелъ, и прибѣжалъ къ отцу жить.

Увидалъ Семенъ Ивана:

Я, говоритъ, къ тебѣ жить пріѣхалъ; корми насъ съ женой, пока мѣсто новое выйдетъ.

— Ну, что жъ, говоритъ, живите.

Только хотѣлъ Иванъ на лавку сѣсть: — не понравился барынѣ духъ отъ Ивана. Она и говоритъ мужу: не могу я, говоритъ, съ вонючимъ мужикомъ вмѣстѣ ужинать.

Семенъ воинъ и говоритъ:

— Моя барыня говоритъ: отъ тебя духъ не хорошъ, ты бы въ сѣняхъ поѣлъ.

— Ну, что жъ, говоритъ. Мнѣ и такъ въ ночное пора — кобылу кормить.

Взялъ Иванъ хлѣба, кафтанъ и поѣхалъ въ ночное.

IV.

Отдѣлался въ эту ночь чертенокъ отъ Семена-воина, и пришелъ по уговору Иванова чертенка искать, ему помогать, дурака доинимать.

Пришелъ на пашню: — поискалъ, поискалъ то-варипца, — нѣтъ нигдѣ, — только дыру нашелъ. »Ну«, думаетъ, »видно съ товарищемъ бѣда случилась, надо на его мѣсто становиться. Пашня допахана, — надо будетъ дурака на покосѣ до-нимать«.

Пошелъ чертенокъ въ луга, напустилъ на Ивановъ покосъ паводокъ; затянуло весь покосъ грязью. Вернулся на зорькѣ Иванъ изъ ночного, отбилъ косу, пошелъ луга косить. Пришелъ Иванъ — сталъ косить: — махнетъ разъ, махнетъ другой — затупится коса, не рѣжетъ — точить надо. Бился, бился Иванъ, — нѣтъ, говоритъ, пойду домой, отбой принесу, да хлѣба ковригу. Хоть недѣлю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу. Услыхалъ чертенокъ — задумался: — калянъ, говоритъ, дуракъ этотъ, не проймешь его. Надо на другія штуки подниматься.

Пришелъ Иванъ, отбилъ косу, сталъ косить. Залѣзъ чертенокъ въ траву, сталъ косу за пятку ловить, носкомъ въ землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосилъ покосъ, — осталась одна дѣлянка въ болотѣ. Залѣзъ чертенокъ въ болото, думаетъ себѣ: хоть лапы перерѣжу, не дамъ выкосить. Зашелъ Иванъ въ болото; тра-

ва смотрѣть — не густая, а не проворотить косы. Разсердился Иванъ, началъ во всю мочь махать: сталъ чертенокъ подаваться, — не поспѣваетъ отскакивать, видитъ — дѣло плохо — забился въ кустъ. Размахнулся Иванъ, шаркнулъ по кусту, отхватилъ чертенку половину хвоста. Докосилъ Иванъ покось, велѣлъ дѣвкѣ грести, а самъ пошелъ рожь косить.

Вышелъ съ крюкомъ, а кургузый чертенокъ ужъ тамъ, перепуталъ рожь — такъ что на крюкъ нейдетъ. Вернулся Иванъ; взялъ серпъ и принялся жать: — выжалъ всю рожь:

Ну, теперь, говоритъ, надо за овесъ браться. Услыхалъ кургузый чертенокъ, — думаетъ: на ржи не донялъ, такъ на овсѣ дойму, — дай только утра дожждаться. Прибѣжалъ чертенокъ утромъ на овсяное поле, а овесъ уже скошенъ. Иванъ его ночью скопилъ, чтобъ меньше сыпался. Разсердился чертенокъ: изрѣзалъ, говоритъ, меня и замучилъ дуракъ. И на войнѣ такой бѣды не видалъ. Не спать проклятый, за нимъ не поспѣешь. Пойду, говоритъ, теперь въ копны, прогною ему всѣ.

И пошелъ чертенокъ въ ржаную копну, залѣзъ между снопами — сталъ гноить: согрѣлъ ихъ и самъ согрѣлся и задремалъ.

А Иванъ запрегъ кобылу и поѣхалъ съ дѣв-
кой возить. Подѣхалъ къ копнѣ, сталъ кидать
на возъ, — скинулъ два снопа, сунулъ, прямо
чертенку въ задъ, поднялъ — глядь: на вилахъ
чертенокъ живой, да еще кургузый, барахтается,
ужимается, соскочить хочетъ.

— Ишь, ты, говоритъ, пакость какая! Ты
опять тутъ?

— Я, говоритъ, другой, то мой братъ былъ.
А я у твоего брата Семена былъ.

— Ну, говоритъ, какой ты тамъ ни будь, и
тебѣ то же будетъ; хотѣлъ его объ грядку при-
шибить, да сталъ его просить чертенокъ:

— Отпусти, говоритъ, больше не буду, — а
я тебѣ, что хочешь, сдѣлаю.

— Да что ты сдѣлать можешь?

— А я, говоритъ, могу изъ чего хочешь сол-
дать надѣлать.

— Да на что ихъ?

— А на что, говоритъ, хочешь, поверни ихъ:
они все могутъ.

— Пѣсни играть могутъ?

— Могутъ.

— Ну, чтожъ, говоритъ, сдѣлай.

И сказалъ чертенокъ:

— Возьми, ты, вотъ, снопъ ржаной, тряхни